

Необходимо отметить, что к середине XVI в. в княжестве произошли значительные изменения в социально-экономической и политической сферах жизни общества. Однако по-прежнему важное значение при разработке и принятии Статута 1566 г. имели идеи и взгляды, ограничивающие власть правителя, регламентирующие законодательный процесс и устанавливающие верховенство писаного права.

Как и в предыдущем законе, полномочия князя строго регламентировались правовыми нормами Статута 1566 г.: «господар» не мог без разрешения сейма решать такие важные вопросы, как устанавливать новые налоги, издавать новые законы и т. д.

Также впервые наметилась тенденция отделения судебной системы от органов власти и управления. Прогрессивными антикоррупционными чертами этой системы были всеословность отдельных судов (Главный суд, замковый суд), выборность большинства членов судов и высокие требования морального и профессионального характера кандидатов на должность судьи.

В Статуте 1566 г. более полно регламентировалась компетенция органов государственной власти и управления, деятельность которых была основана на общих принципах феодального права.

Проводя анализ правового положения должностных лиц по Статуту 1566 г., можно сделать вывод, что законодатель для установления ограничений, направленных на снижение в их действиях коррупционной составляющей, использует, как правило, своеобразную форму морального воспитания в виде клятв и обязанностей соблюдать закон (разд. 4 «О судьях и о суждехъ»).

Третий Статут 1588 г. по своей теоретической и практической направленности имел значительные преимущества в сравнении с первыми двумя Статутами. Он содержал не только сравнительно большее количество положений, касающихся в том числе установления антикоррупционных запретов и ограничений для должностных лиц, но и более совершенную юридическую терминологию. Практически во всех разделах Статута 1588 г. уделялось огромное значение уголовно-правовым нормам.

В положениях Статута 1588 г. ярко отражена идея правового государства, о чем свидетельствуют продекларированные в нем принципы конституционного характера: разделения властей, равенства всех свободных людей перед законом, судебной защиты и т. д.

Отдельно стоит отметить, что в Статуте 1588 г. прослеживается довольно явная, хотя еще не совсем совершенная классификация коррупционных преступных деяний, градация которой в большей степени основывалась на объекте преступного посягательства. Так, указанный вид преступности в основном содержался в первом («О персоне нашей господарской»), втором («О обороне земской») и четвертом («О судьях и судах») разделах.

Безусловно, все нормы передового для того времени закона пронизаны идеей усиления правового порядка. Все государственные органы и должностные лица обязаны были действовать только в соответствии с законом. Все свободные люди должны судиться только статутными нормами. Таким образом, провозглашался принцип верховенства права и соблюдения слугами государевыми любого ранга законности при выполнении возложенных на них обязанностей.

Принимая во внимание вышеизложенное, можем резюмировать, что уголовное законодательство ВКЛ XVI в. содержало прогрессивные правовые нормы антикоррупционной направленности, большинство из которых, без сомнения, значительно опережали свое время. Полагаем, что создание Статутов ВКЛ явилось одной из первых попыток законодательного закрепления ограничения злоупотреблений и превышения власти со стороны должностных лиц.

Однако, учитывая отсутствие в то время общепризнанной практики по делам, связанным с преступлениями против интересов службы, и развитой правовой культуры, Статуты ВКЛ в большей степени были нацелены решить проблему морально-этическими методами, чем путем создания и применения на практике антикоррупционных положений. При этом заслуживает внимание тот факт, что уже в исследуемом периоде законодатель обратил внимание на необходимость законодательного и нравственного разрешения одной из самых опасных проблем современного общества – коррупционной преступности. Именно поэтому, на наш взгляд, вышеуказанные прогрессивные положения и принципы, закрепленные в Статутах ВКЛ, стали основой для дальнейшего развития антикоррупционного законодательства и главными источниками при подготовке последующих актов.

УДК 340.1

А.В. Григорьев

УЧЕНИЕ О ПРИМЕНЕНИИ ПРАВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

В юридической литературе до сих пор не достигнуто единого понимания того, что представляет собой правоприменение, хотя указанная проблема не является новой. Она получила определенное освещение в дореволюционный, советский и современный периоды развития юридической науки. Однако до сих пор продолжаются дискуссии относительно того, рассматривать ли правоприменение в качестве особой формы реализации права наряду с соблюдением, исполнением и использованием; допустимо ли отождествлять правоприменение и правоприменительную деятельность; какова связь между правоприменением и принуждением. Кроме того, по мнению Ю.А. Тихомирова, существует необходимость разрешения ряда иных научных проблем правоприменения, среди которых: разработка критериев эффективности действия законодательства, способов прогнозной оценки проектов законов и других нормативных правовых актов; определение критериев, способов, методик эффективности применения правовых актов; повышение роли судебной практики в механизме правоприменения, разработка типологии юридических ошибок и нарушений законности, обеспечение более высокой эффективности различных

процедур разрешения споров, качества судебного контроля; выявление специфики применения правовых норм различными субъектами: судами, правоохранительными органами и т. п.

Полагаем, что для осмысления указанных проблем следует обратиться к воззрениям ученых-правоведов советского периода. Так, термины «применение права» и «правоприменительная деятельность» активно используются и разрабатываются в юридической науке с середины XX в., однако до настоящего времени единства мнений относительно их содержания не достигнуто. И это не удивительно, ведь еще в 1954 г. отдельные авторы вообще объявили словосочетание «правоприменительная деятельность» несостоятельным из-за «неудачных терминов». В то же время анализ материалов дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Советское государство и право» в 1954–1955 гг., позволяет констатировать, что большинство авторов (А. М. Васильев, Д.А. Керимов, П.Е. Недбайло, М.Н. Хангалов) все же признали обоснованным и неоспоримым реальное существование деятельности, получившей название «правоприменительная деятельность». В результате указанной дискуссии ученые пришли к мнению, что «советское законодательство связывает обычно термин „применение“ с тем способом осуществления юридических норм, который характеризуется властными действиями компетентных государственных органов по отношению к другим государственным организациям, общественным организациям и гражданам». Тем не менее относительно содержания термина «применение права» было расхождение по многим принципиальным вопросам. Например, И.Е. Фарбер не находил различия между реализацией, осуществлением и применением правовых норм.

Отсутствие подобных отграничений, как и сложившееся понимание термина «применение права» в советской юридической науке, обусловило различные точки зрения и на субъектов применения права. Так, Л.С. Галесник полагал, что применение правовых норм – компетенция государственных органов и должностных лиц. Этой же точки зрения придерживались А.П. Корнев, Ю.Г. Ткаченко. В.В. Лазарев и И.П. Левченко к субъектам правоприменения относили государственные органы, должностных лиц и общественные организации, тем самым расширяя субъектный состав.

Примечательно, что в более ранних работах В.В. Лазарев под применением права понимал особого рода деятельность уполномоченных органов, имеющую целью содействие в реализации норм, обращенных к другим субъектам права. Из указанного определения не ясно, каких субъектов ученый относил к уполномоченным органам, хотя в научной статье «Понятие и разновидности нетипичных ситуаций правоприменительного процесса» к субъектам правоприменения он относил и граждан: «менее распространены правоприменительные действия отдельных граждан... например, действия потерпевшего по уголовным делам, возбужденным по его жалобе». В то же время в работе «Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории)» В.В. Лазарев приводит классификацию правоприменительных актов в зависимости от субъектов, осуществляющих применение права (органы исполнительной власти, исполнительно-распорядительные органы, органы юрисдикции, органы, входящие в материальные придатки государства, общественные организации), где не указывал граждан в качестве таковых. Аналогичным образом П.Е. Недбайло к субъектам применения права относил граждан. Ученый указывал: «Правовые нормы претворяются в жизнь в практической деятельности людей, их объединений и государственных учреждений, в процессе которой они осуществляют предоставленные им права и выполняют возложенные на них обязанности. В этом плане применение правовых норм означает их осуществление, реализацию в деятельности людей, учреждений и организаций путем соблюдения и исполнения предписаний этих норм».

Полагаем, что указанное своеобразие, характерное для советского периода развития теоретико-правовой науки, можно объяснить спецификой исследования этой юридической категории в дореволюционной юридической науке. Использование термина «применение права» относится к концу XIX в., однако процесс применения права был недостаточно разработан. Дело в том, что под реализацией права понималось осуществление или исполнение норм права, поэтому сами формы реализации права не получили достаточного уяснения по сравнению с современными представлениями. Как видим, в советский период развития юридической науки учение о правоприменении не совпадает с современными его представлениями, что обусловлено отсутствием отграничения правоприменения от исполнения и использования норм права в учении о правоприменении до 1917 г., процесс становления которого не был закончен, и особенностями дальнейшего развития его отдельных положений.

Особенность учения о применении права состоит в том, что оно развивалось в рамках господствовавшей в то время позитивистской парадигмы, поэтому оно было способно описывать лишь формальную сторону правовых норм в поведении субъектов, которая выводилась из определения права как совокупности норм, принятых в определенном порядке. В этой связи следует согласиться с утверждением А.В. Кашанина и С.В. Третьякова, что правоприменение в рамках юридического позитивизма сводится к дедуцированию индивидуальных предписаний из общих норм, а основной задачей юриспруденции становится максимально точное толкование правил, выраженных в нормативных актах. Однако при таком подходе лишается оснований идея о том, что содержание права как системы правил поведения определяется еще чем-то помимо государственной воли, выраженной специальным органом, и социальный контекст устраняется как из практики, так и из юридической доктрины.

В целом учение о правоприменении в советской юридической науке находилось в плену идеологических постулатов, а западные исследования в области проблем правоприменения, по мнению советских ученых, являлись антикоммунистическими теориями и попытками буржуазной идеологии замаскировать классовый характер законности и правопорядка в антагонистическом обществе. Поэтому считалось, что только марксистско-ленинская концепция социалистического государства – государства законности, связанная с непосредственной практической деятельностью правоприменительных органов, способна конкретно показать социальную ценность и политическую направленность институтов обеспечения стабильности социалистического правопорядка.